

на стр. 175), употребляющиеся применительно к XIV в. Автор пишет «грузины и мингрельцы» (стр. 110), «еврейско-караимское население» (стр. 127). В первом случае не следовало бы, пожалуй, разделять грузин и мингрельцев, тогда как во втором случае нельзя объединять две совершенно различные народности. Несколько необычен вводимый автором термин «кочевое земледелие» (стр. 131 сл.).

В исторических очерках встречаются некоторые неточности. Так, восстание Фомы Славянина было не в 822—824 (стр. 35), а в 820—823 гг. Солхат расположен не к востоку (прим. 59 на стр. 168), а к западу от Феодосии. На стр. 57 мы читаем: «Большие изменения произошли и в экономической жизни края. Конец IX в. открывает, можно сказать, новую страницу истории Таврики — начало ее экономического возрождения, продолжавшегося весь X в. Собственно, речь идет только (подчеркивает при этом автор. — *Рец.*) о западных (т. е. юго-западных, ибо западные — это районы Керкинитиды. — *Рец.*) районах Крыма...» И далее там же: «Чтобы понять причины экономического подъема Юго-Западной Таврики и самого Херсона, следует прежде всего иметь в виду, что это не было изолированным явлением, наоборот, было отражением широкого процесса, шедшего в Византийской империи с конца IX в....» Совершенно справедливо при этом автор ссылается на А. П. Каждана¹. Безусловно, в X в. наблюдалось возрождение хозяйства Юго-Западного Крыма, которое, являясь также «отражением широкого процесса, шедшего в Византийской империи с конца IX в.», было связано в первую очередь с уходом отсюда хазар. Хотя, по словам автора, «крымскую деревню X в. мы почти не знаем» (стр. 74) из-за скудости источников, он, однако, делает вывод, что «Юго-Западная Таврика, несмотря на оживление ближайшего своего центра — Херсона, находилась в X в. в запустении» (там же). Этот вывод не выжется ни с приведенными словами автора, ни с действительным положением вещей. На стр. 80 автор пишет: «Вскоре же, в самом конце XII или в начале XIII в., Крым вместе с Херсоном вообще отпал от Византии, захваченной крестоносцами (1204 г.)». Но, во-первых, крестоносцы захватили не всю Византию, а часть ее, во-вторых, Херсон сохранял связи с Трапезундской империей, от которой находился в зависимости. В Улус Джучи не следует включать Китай и Персию (стр. 104). Как известно, Улус Джучи или Золотая Орда, включал лишь земли до Иртыша.

Недоумение вызывают и некоторые другие заявления автора. Так, на стр. 4 он пишет: «Русско-византийская война конца X в. привела к важнейшим последствиям и в области культуры — принятию Русью христианства. Русско-крымская торговля XIV—XV вв. открыла доступ в Московскую Русь потоку восточных товаров...». Прежде всего, о какой «русско-византийской войне» идет речь? Если автор имеет в виду войну 970—971 гг., то она «не привела» к принятию христианства. Если автор имеет в виду чисто демонстративный поход Владимира Святославича на Корсунь, то этот поход нельзя назвать войной. Христианизация Руси была идеологическим выражением процесса феодализации Древнерусского государства и отвечала интересам класса феодалов, а отнюдь не свершилась в результате войны. Нельзя соглашаться и с тем, что «русско-крымская торговля XIV—XV вв. открыла доступ в Московскую Русь потоку восточных товаров». Не говоря уже о том, что поток восточных товаров шел в Московскую Русь и до XIV в., и не только через Крым (а также через Итиль, Булгар, Сарай-Бату, Сарай-Берке и т. д.), автор сам говорит о торговле Руси с Крымом еще в XIII в. (стр. 79). Несколько странно, что А. Л. Якобов неосуществленное сватовство дочери владетеля Феодоро Исаака «за сына московского царя (?) Ивана III» (стр. 126) приводит в качестве доказательства «насколько перед лицом турецкой угрозы велик был авторитет Москвы в глазах греческих правителей Крыма...» (там же). Инициатива этого сватовства принадлежала не правительству Феодоро, а великому князю московскому Ивану III, о чем свидетельствует тот самый источник, на который ссылается автор (прим. 160 на стр. 176).

Прежде чем коснуться исторической интерпретации, которую дает А. Л. Якобов ряду памятников крымского средневековья, следует обратить внимание на некоторые географические неточности, проходящие через весь текст книги, ибо они влекут за собой искажение исторической топографии. Автор именует «горным Крымом» холмистые районы юго-западного предгорья между Бахчисараем и Севастополем, совершенно не учитывая подлинно горный Крым, т. е. Главную горную гряду, ее северные отроги и обширные южные склоны к морю². Между тем, именно она и составляла Таврику в собственном смысле слова. Ничего не говорится в книге о многочисленных памятниках этого района, хотя они-то и обладают тем своеобразием, которое выражает специфические черты крымского средневековья, существование в горах и на побережье политически не зависевших от Византии сельских общин и др. Автор не точен, считая отдельные относительно высокие холмы и скалистые останцы типа Мангуша, Тепе-Кермена и др. неприступными горами, употребляя неправильно понятые термины «нагорье», «горные проходы» и т. п., делая Херсон «центром юго-западного нагорья» (стр. 33). Херсон лежит в стороне от юго-западного нагорья, а «горные проходы», о которых говорит автор — это широко открытые входы в долины рек

¹ См. стр. 57, примеч. 15 на стр. 162.

² Ср. Н. Н. Павлова. Физическая география Крыма. Л., 1964.